

---

16. Южная Корея

Образцовый подчиненный по системе цзянься?

Как уже упоминалось, все независимые государства неизменно отстаивают свою независимость, но не во всех государствах есть политическая культура, выражающаяся в активном противостоянии подчинению внешним силам: некоторые государства более податливы, чем другие. Обычным мотивом подчинения является страх, но в случае с Южной Кореей, с ее отношением к Китаю, страх занимает лишь второе место и обычно обусловлен тем, что Китай может натравить или не натравить на Южную Корею — Корею Северную. Более действенным мотивом является комбинация глубокого уважения к культуре Китая и китайцам, которое особенно отчетливо проявляется на фоне негативного отношения корейской элиты (не народа¹⁰⁷) к Соединенным Штатам и американцам, в сочетании с усиливающимся осознанием важности китайского рынка для Южной Кореи. Повторимся, несмотря на то, что все стремятся к экономической выгоде, не все прикладывают для этого равноценные усилия: по сравнению с корейцами даже японцы не уделяют этому достаточного внимания, в то время как китайцы откровенно потакают во всем себе.

Уважение к Китаю и китайцам способствует сохранению позитивного восприятия корейцами китайского бизнеса, который в любом случае сейчас для них не столь непривлекателен, как бизнес японцев, европейцев или американцев. Эту тенденцию можно проследить, по крайней мере, со времен династии Мин; она зародилась задолго до того, как КПК пришла к власти в Пекине и отчетливо видна при беспристрастном изучении народного фольклора¹⁰⁸.

Данные исследований демонстрируют уважение корейского народа к Китаю и китайцам. Но все-таки именно корейская элита, точнее бюрократическая меритократия, класс янбанов, была сторонницей уникального культа имитации: после внедрения в тринадцатом веке

неоконфуцианства, корейцы почтительно именовали себя «малыми китайцами», хотя правящая династия Чосон стала данницей китайской династии Цин лишь в 1636 году.

Впоследствии случилось так, что корейцы подвергались влиянию скорее со стороны Японии, чем Китая, и они до сих пор этому влиянию активно сопротивляются. Как это ни парадоксально, но борьба против китайского культурного влияния наблюдается в Северной Корее, например, там разрешено использование только корейского алфавита хангыль, а китайские знаки письма (Ханча, *Hanja*) запрещены (хотя значительно больше трудов корейской литературы написано на ханча, чем на хангыле).

Что касается антиамериканизма образованных молодых южных корейцев, то они готовы прямо-таки взорваться от ярости при малейшем инциденте и охотно обвиняют своих политических лидеров в раболепстве перед США. Это неприятие всего американского вряд ли нуждается в специальном разъяснении, так как коренится в свойственных любому человеку чувствах: безответная щедрость легко превращается в унижение. Когда Нубару-паше сказали, что один младший чиновник распространяет о нем плохие слухи, он ответил: «И это при том, что я не помню, чтобы оказывал ему какую-нибудь услугу» (*Et pourtant je ne me rappelle pas lui avoir conféré aucun bienfait*¹⁰⁹). В корейской Академии наук мнение о том, что война в Корее являлась последствием американского или даже китайско-американского заговора, пользуется удивительным доверием, и кроме того, там же в течение десятилетий наблюдаются не такие явные, но устойчивые и широко распространенные, проявления расистских и расовых предрассудков против связей корейских женщин с американскими солдатами. Таков не произносимый вслух подтекст всех этих возмущений и преувеличений¹¹⁰.

Но, без сомнения, еще более важное открытие состоит в том, что южные корейцы в большей степени, чем европейцы или японцы склонны верить в то, что Китай станет главным торговым партнером их страны, обойдя Соединенные Штаты, чье влияние, как предполагается, будет снижаться. Согласно упомянутому выше опросу общественного мнения от 2011 года, среднее ожидание роста значимости Китая в течение следующих десяти лет в Южной Корее выросло с 7,62 до 8,02 (в сравнении с данными 2005 года), на фоне 7,51 и 7,93 для Австралии, с ее экспортом сырья в Китай, и 7,15 и 7,45 — для Филиппин. Соответственно, экономическая важность Соединенных Штатов по данным того же опроса сократится: средний балл снизился

с 8,00 до 7,82. Стоит подчеркнуть, что для южных корейцев признание экономической важности Китая является не просто проявлением корпоративного или национального характера, а, возможно, следствием личной заинтересованности конкретных людей. Дело в том, что многие южные корейцы (в гораздо большей степени, чем все другие нации) нашли себе работу в больших китайских городах в качестве экспертов во всех сферах, от парикмахеров-визажистов до контролеров качества промышленной продукции.

Южные корейцы гораздо более благоприятно смотрят на влияние китайской экономики на их интересы по сравнению с другими респондентами. Между 2005 и 2010 годами количество тех, кто положительно оценивал экономический рост в Китае, осталось стабильным — 49% (довольно примечательно, если учесть, что Китай — прямой конкурент Южной Кореи на мировых рынках).

В Австралии, напротив, благоприятное отношение к Китаю между 2005 и 2010 годами сократилось с 54 до 52%, хотя Китай не конкурирует с Австралией, а, напротив, именно в эти годы стал для нее более значимым рынком сбыта. В Японии количество тех, кто позитивно смотрит на китайскую экономику, сократилось с 35 до 23%. Таков психологический и политический фон нынешних стратегических отношений между Республикой Корея и Китаем. Эти отношения, конечно, являются производными от более актуальных стратегических отношений между Республикой Корея и Северной Кореей. В этих отношениях, несомненно, есть много разных аспектов, но только один из них является по-настоящему значимым для понимания китайско-корейского контекста: весьма характерная сдержанность (и даже — нежелание) южных корейцев отвечать на вооруженные провокации Северной Кореи (как это обычно делают страны, находящиеся в конфликте друг с другом, то есть путем быстрого, убеждающего и пропорционального ответного удара).

Понятно, что на широкомасштабную агрессию стратегического размаха со стороны Северной Кореи должны ответить США, с их глобальными военными возможностями; но южные корейцы должны бы были сами отвечать на локальные и единовременные атаки (на вооруженные провокации, не имеющие оперативного продолжения), так как они сами обладают достаточно большими и хорошо оснащенными вооруженными силами. Такое понимание было закреплено и расширено в южнокорейско-американском соглашении 2007 года о передаче (к апрелю 2012 года) оперативного контроля войскам Южной Кореи

(РОК) от нынешнего командования войск ООН (то есть, США), даже в случае войны.

На практике Южная Корея не отвечала на северокорейские провокации, даже в случае нападений, наносивших ей реальный ущерб, а именно, когда 26 марта 2010 года был потоплен 1200-тонный южнокорейский корвет *Cheonan*, и погибло 46 из 104 членов экипажа. В течение двух месяцев было окончательно установлено, что *Cheonan* был расколот надвое торпедой, но южные корейцы все равно не предприняли мер возмездия, хотя ВМС Северной Кореи предоставляют для этого много мишеней.

Далее, 23 ноября 2010 года имел место неожиданный северокорейский артналет на остров Енпхендо (*Yeongyeong*), расположенный примерно в 75 милях от Сеула. Было убито четыре человека и многие ранены, солидная площадь оставлена в руинах. На сей раз также не последовало быстрой, убедительной и пропорциональной акции возмездия, вместо этого с опозданием было выпущено несколько ответных снарядов, специально нацеленных на пустынное место.

Точные причины того, что южные корейцы не предпринимают типичных для других стран ответных мер, не имеют значения, когда речь заходит о стратегических последствиях (была упомянута даже негативная реакция на рынок акций!), так как в любом вооруженном конфликте оправдания не имеют значения. Причиной, конечно же, не может быть боязнь еще более разрушительных северокорейских ответных мер (хотя и эту отговорку иногда приводят), поскольку это означало бы, что вооруженные силы Южной Кореи не способны сдержать никого, учитывая, что за сдерживание полномасштабного нападения или настоящей агрессии отвечают США.

Не может объяснить такую пассивность и состав южнокорейского правительства в 2010 году, тем более, что президент страны был избран как раз в качестве сторонника жесткого курса по отношению к Северной Корее¹¹¹. Значимым фактором в данном вопросе является влияние столкновений на границе между двумя Кореями на китайско-южнокорейские отношения. Лицемерный китайский ответ на любой внутрикорейский инцидент (все они были инициированы Северной Кореей) состоит в том, что обе стороны призываются к «сдержанности» и к возобновлению переговоров в рамках «шестерки», спонсируемой Китаем. В то же самое время Китай поддерживает сердечные отношения с Северной Кореей на уровне правительства, братские межпартийные связи и тесные военные контакты, основанные на некоторых общих

славных воспоминаниях о корейской войне. Китай также продолжает оказывать КНДР экономическую помощь, возможно, существенно важную для выживания северокорейского режима, который может обойтись и без самых основных продуктов для голодающего населения, но ему нужны деликатесы и обычные товары народного потребления, чтобы сохранить единство элиты (местные клиенты доминируют в очень хорошо снабжаемом лучшем плавучем ресторане Пхеньяна, пришвартованном на площади Ким Ир Сена). У Китая есть большое активное сальдо в торговле с Северной Кореей (US \$1,25 миллиарда в 2008 году), которое дает представление о величине китайской поддержки КНДР.

Тем не менее, кажется, эти деньги были потрачены очень удачно, поскольку они дали китайским лидерам надежный поводок для Северной Кореи — поводок, который, конечно, полезен лишь в том случае, если Северная Корея периодически проявляет агрессивность: какой толк от поводка для собаки, которая и так не кусается.

Что бы правительство Южной Кореи не заявляло, и во что бы оно не верило, его отказ от быстрого, убедительного и пропорционального ответа на провокации КНДР делает его вассалом как США, отвечающих за отражение полномасштабной агрессии против Южной Кореи, так и Китая, который может удержать КНДР от мелких провокаций. Несмотря на все свои протесты, южные корейцы видимо и далее хотят действовать именно таким образом. Но эта ситуация не может удовлетворить США, которые тем самым несут на себе полностью все расходы по защите Южной Кореи от КНДР и вынуждены одновременно делить влияние на Южную Корею с Китаем, который всегда может призвать к порядку южных корейцев, угрожая спустить с поводка Северную Корею. Но сейчас в этом мало проку, потому что южные корейцы почтительно относятся к Пекину и патетически приписывают китайскому руководству большие заслуги в деле удержания Северной Кореи на коротком поводке. Подтверждением этого служит репортаж из Пекина от 9 мая 2011 года, помещенный в англоязычной южнокорейской газете *Choson Ilbo*¹¹²:

Северокорейский лидер Ким Чен Ир попросил у китайцев... самое современное оружие... в прошлом мае, согласно одному из источников в Пекине... Китай ответил отказом: «Ким Чен Ир вернулся из Китая в прошлом мае в очень плохом настроении» — отметил источник — «...Среди систем вооружений, которые Ким Чен Ир просил у Китая, были

30 истребителей-бомбардировщиков *Jianji Hongzhaji*¹¹³, оснащенные противокорабельными ракетами С-801 и С-802...». Источник утверждал, что Ким Чен Ир считал, что после потопления корвета *Cheonan* в марте, Северная Корея должна быть готова к возможному контрудару США и Южной Кореи. Он также пытался убедить Китай в том, что любая атака США и Южной Кореи может также коснуться Китая... Ким несколько раз повторил китайскому руководству, что Северная Корея не топила этот корабль, хотя Пекин жестко спросил его об этом инциденте три раза (курсив добавлен. — Э. Л.).

После того как китайцы ему отказали, пишет далее *Choson Ilbo*, Ким Чен Ир внезапно уехал из Пекина, отказавшись от предусмотренной программой визита посещения театра.

Пекинский источник, который приписал такую похвальную осторожность китайским лидерам, отказавшимся продавать Северной Корее самолеты, выглядел бы более достоверно, если бы репортаж в газете не был эхом другого, опубликованного в том же самом *Choson Ilbo* одиннадцатью месяцами ранее¹¹⁴:

Северная Корея попросила Пекин предоставить ей новейшие реактивные истребители J-10 и другое вооружение, но получила отказ, как стало известно в среду. ...Ким Чен Ир направил запрос китайскому президенту Ху Цзинтао во время своего визита в Китай в начале мая. Однако Ху якобы сказал Киму, что Китай поддержит его лишь в том случае, если он подвергнется атаке. Наблюдатели полагают, что отказ был причиной того, что Ким уехал домой на несколько дней ранее запланированного срока.

В обеих версиях Китай осаживает Северную Корею, не продавая ей боевые самолеты; в обеих версиях Ким Чен Ир невежливо уезжает домой на один день раньше, чем планировалось, но в статье 2010 года ему отказывают в приобретении одноместного легкого истребителя J-10, в то время как в версии 2011 года ему отказали в двухместном самолете JH-7: видимо, умиротворяющее влияние Китая растет.

Особенно некрасивой формой пресмыкательства перед Китаем является постоянный отказ Южной Кореи в выдаче визы Далай Ламе, которого очень уважают в Корее и не только среди буддистов. Даже когда в Южной Корее на абсолютно неполитическую конференцию

собрались лауреаты Нобелевской премии в 2006 году, Далай Ламе отказали в визе, с довольно постыдным разъяснением, что Китай является главным торговым партнером Южной Кореи, и к тому же помощь Китая нужна для того, чтобы убедить Северную Корею отказаться от своих ядерных амбиций¹¹⁵.

После этого в Южной Корее, как предполагалось, пришел к власти сторонник жесткой линии по отношению к КНДР президент Ли Мун Бак; 27 июня 2010 года Далай Лама смог встретиться с более чем 500 корейскими буддистскими монахами, но только в отеле «*Интернэйшнл Гранд Отель*» в Иокогаме в Японии¹¹⁶, так как ему опять отказали в южнокорейской визе. На чем бы ни основывался альянс США и Южной Кореи, моральные ценности ему явно чужды.

До тех пор, пока Республика Корея не перестанет отвечать на провокации Северной Кореи одними лишь словами (что конечно похвально с точки зрения тех, кто любит мир больше всего), она может только ослаблять, а не усиливать коалицию, которая должна разубедить Китай продолжать свой военный рост. Если Южная Корея с ее нынешней недальновидной политикой будет допущена в такую коалицию, она может только ослабить коллективную решимость коалиции сопротивляться Китаю, особенно если дело дойдет до конкретных действий, например, совместного патрулирования боевыми кораблями спорных районов моря. Вряд ли Южная Корея будет участвовать в таких мерах силами своих вооруженных сил, даже если подобные решения будут приняты: из-за опасений, что Китай может отомстить, спустив с поводка Северную Корею или даже прямо натравить ее.

Напротив, проводя свою нынешнюю внешнюю политику, Республика Корея может комбинировать свой фактический статус подчиненного Китаю члена системы цзянься с сохранением южнокорейско-американского альянса. Ведь США уже привыкли к своим односторонним обязательствам и не требуют никакой платы за самостоятельные внешнеполитические эскапады Южной Кореи, в то время как южным корейцам, видимо, больше нравится быть вассалами, чем брать на себя риск и расходы по обеспечению своей собственной безопасности.

Существует косвенное доказательство этого отказа от ответственности, и состоит оно в желании Южной Кореи спорить с Японией по вопросам, не имеющим никакого стратегического значения, и, естественно, не несущими никакого риска быть наказанными силой со стороны Японии. Даже в 2010 году, в период между повлекшими человеческие жертвы провокациями со стороны Северной Кореи,

которые так и остались безответными, 37 членов конгресса Южной Кореи образовали форум для продвижения притязаний Южной Кореи на японский остров Цусима, называемый корейцами Демадо. Другие требовали от Японии скалы Лианкур, называемые японцами Такесима, но которые корейцы зовут Докдо. Газета *Кореян Таймз* устроила постоянный конкурс эссе на тему принадлежности этих островков, причем призы не присуждались тем, кто обосновывал их принадлежность Японии. Каким образом такие действия могут уменьшить болезненную уязвимость Южной Кореи — осталось неясным.

В декабре 2011 года один сотрудник береговой охраны Южной Кореи был убит, а другой ранен китайскими рыбаками, которых арестовали вместе с их судном, когда они занимались нелегальной ловлей рыбы в южнокорейских водах¹¹⁷. Сообщалось, что начиная с 2006 года примерно 2600 китайских судов было арестовано при похожих обстоятельствах: катастрофическое загрязнение китайских прибрежных вод в купе с хищническим промыслом там рыбы заставляет китайских рыбаков выходить все дальше и дальше в открытое море. Но ни массовое браконьерство китайцев в южнокорейских водах, ни даже упомянутое убийство китайцами сотрудников береговой охраны не отвлекло Южную Корею от своей любимой цели (конечно же, очень миролюбивой): 14 декабря 2011 года прямо перед японским посольством в Сеуле была торжественно открыта статуя скромной корейской женщины, символизовавшей жертвы тех, кого японцы в годы войны насильно заставляли заниматься проституцией для своих солдат. При этом прошла тысячная по счету демонстрация, требовавшая от Японии выплатить этим женщинам компенсацию, что естественно вызвало сильное раздражение у страны, ничем не угрожающей Южной Корее¹¹⁸. Стратегический эскапизм не столь уж редкое явление в мировой политике, но те, кто к нему склонен, не годятся на роль активных союзников, и это делает их еще более уязвимыми объектами запугивания для тех, кого они боятся.

---

17. Монголия

Северный форпост коалиции?

Монголия — это близнец Вьетнама и прямая противоположность Южной Кореи в том, что касается ее отношений с Китаем, так как в орбите Китая она не может сохраниться в качестве независимого государства, хотя Китай юридически, формально и окончательно отказался от прав на всю территорию Монголии по соглашению о границе 1962 года и по протоколу о делимитации границы 1964 года (который добавил еще 10 тысяч квадратных километров к уже имеющимся у Монголии полутора миллионам). До этого, ссылаясь, как и в случае Тибета, на прежние права владения, китайские правительства отказывались признать декларацию о независимости Монголии 1911 года, утверждая, что Монголия является частью Китая потому, что маньчжурская династия Цин управляла как китайскими, так и монгольскими землями, равно как и многими другими народами. По такому критерию, как уже упоминалось, Шри Ланка может предъявить права на Индию.

Сегодня из Пекина уже не раздаются угрозы аннексировать Монголию, но будучи лишенной выхода к морю и зажатой между двумя соседними странами, Монголия должна положиться в качестве гарантии своей независимости на другую соседнюю страну, что не очень просто, потому что русские прекрасно помнят, в какой степени Монгольская Народная Республика зависела от СССР до 1990 года.

Монголия уязвима и в демографическом отношении, хотя в будущем это, возможно, станет ее преимуществом. На огромных просторах современной Монголии затерялось около 2,5 миллионов монголов, в то время, как только в одном автономном районе КНР Внутренняя Монголия проживает 4 миллиона монголов (80 % тамошнего населения — китайцы), еще 1,5 миллиона монголов живут в китайском Синьцзяне, а также примерно 400 000 бурят-монголов — в Республике Бурятия Российской Федерации.

В теории, владея историческим центром монгольских земель и будучи независимым государством, Монголия могла бы стать культурным

центром для всех монголов, в том числе — для более многочисленной популяции своих соплеменников, проживающих в Китае, и она бы могла оказывать соответствующее влияние на Внутреннюю Монголию. Но этому мешает одно обстоятельство: в монгольском языке не так много культурного капитала, учитывая, что в системе высшего образования Монголии повсеместно вместо монгольского языка используется русский (а сейчас еще немного английский). Другая причина состоит в том, что в 1946 году под давлением сталинистского диктата в Монголии была введена кириллица, в то время как монголы в Китае сохранили древнюю монгольскую письменность, происходящую от арамейского и иврита, переданную через согдийский, сирийский и древний уйгурский алфавиты¹¹⁹.

Управляя лишенной выхода к морю страной всего лишь с двумя соседями, каждый из которых имеет имперские размеры и, по крайней мере, латентные имперские притязания на Монголию, монгольские правительства весьма умело прилагали большие усилия, чтобы заинтересовать в своей судьбе другие страны. Они вызвали благоприятное отношение далеких Соединенных Штатов, которые поддерживают монгольскую независимость, потому что это вызывает почти симметричное недовольство России — гораздо более важной для Монголии страны. Япония тоже подходит на роль третьей стороны, способной играть роль противовеса удушающим объятьям Китая и Российской Федерации. Установление в 1972 году дипломатических отношений между Монголией и Японией не привело к серьезным практическим результатам, но после либерализации 1990 года обе страны ведут активную работу по налаживанию сотрудничества, показывая значительный взаимный интерес и отсутствие исторических антипатий, могущих этому воспрепятствовать.

Последовал обмен официальными визитами, и был даже создан постоянный комитет по экономическому сотрудничеству, но, несмотря на все эти добрые намерения, слабая база монгольской экономики и склонность Японии ориентироваться на слишком высокие результаты в конечном итоге погубили оптимистические ожидания. По состоянию на 2009 год (последние имеющиеся в распоряжении данные), на Японию приходилось менее 1% монгольского экспорта, в то время как на Китай — 74,1%, на Канаду — 9,4% и 3,4% — на США. Из Японии было завезено 6% монгольского импорта, в то время как из России — 34,6%, из Китая — 31,7%. На Японию приходилось 3,4% иностранных инвестиций в Монголию, на Китай — 51,1%, Канаду — 10,6%

и Южную Корею — 6,7%. Япония занимает первое место по объему иностранной помощи Монголии — US\$40 миллионов в год, но и этот показатель будет превзойден американской помощью в рамках программы «Вызовы тысячелетия» (Millennium Challenge Account) — 300 миллионов долларов за 5 лет.

С типично японской самокритикой МИД Японии обвиняет в этом только одну сторону: «Очень важно, чтобы Япония существенным образом участвовала в освоении монгольских ресурсов, осуществляла масштабные инвестиции и создала таким образом взаимовыгодные отношения¹²⁰».

Этот вывод последовал за покаянной оценкой, согласно которой японский бизнес не инвестирует в Монголию, в то время как «там очень сильно присутствие ее соседей: Китая и России. К тому же, сильно выросло влияние Республики Корея, которая инвестирует в малые и средние проекты, рестораны, клиники красоты, [иные] услуги... [и 30 тысячам монгольских рабочих выдано разрешение на работу в Корее]».

Активность Южной Кореи в Монголии, несомненно, выгодна для обеих сторон, но она не избавляет Монголию от ее стратегической дилеммы, так как правительство Южной Кореи уж точно не будет служить противовесом Китаю или России в данном конкретном случае. К тому же, как это ни странно, но присутствие в Монголии южных корейцев вызывает там теплые чувства не к ним, а по отношению к китайцам и японцам. И это не стоит считать парадоксом: причина кроется в странной этнической несовместимости монголов и корейцев, а также в более прозаических вещах, например, в недовольстве тех монголов, которых корейские торговцы лишили работы (к тому же корейские торговцы бросаются в глаза как чужаки). Дела еще более усугубились после скандала, в котором оказались замешанными посол Южной Кореи и юная монгольская девушка, беременность и отказ посла платить алименты на ребенка¹²¹.

Может быть, японское правительство начнет действовать так, как призывает собственный МИД, и, может быть, ему удастся добиться активизации японского бизнеса в Монголии, создать в этой стране солидное экономическое присутствие с политическим значением, чтобы Япония стала стратегическим противовесом Китаю. Но пока все это не станет реальностью, способность Монголии сопротивляться огромному китайскому потенциалу будет почти в полной мере зависеть от альтернативного влияния Российской Федерации.

В контексте формирования китайского и антикитайского мира, в данном случае возможны варианты. Если Россия выступит на стороне Китая, Монголия в лучшем случае будет иметь статус устраивающего обе соседние страны буфера между ними, а в худшем станет кондоминиумом с номинально независимым марионеточным правительством. С другой стороны, если Российская Федерация откажется от конвергенции с авторитарным Китаем, и вместо этого войдет в антикитайскую коалицию (для сохранения контроля над Восточной Сибирью на длительную перспективу и своего влияния в Центральной Азии в настоящее время), то Монголия снова станет для нее тем самым незаменимым и хорошо защищенным аванпостом, которым она была на протяжении десятилетий китайско-советской конфронтации. Но на этот раз Монголия еще сможет воспользоваться и плодами своих хороших отношений с США, Японией и другими странами антикитайской коалиции.

На сегодняшний день силы коммерции, геополитики и геоэкономики пересеклись в месторождении «Пять холмов», Таван Толгой, в Южно-Гобийском аймаке (провинции) в южной Монголии (в самой южной части страны, прилегающей к Китаю, и, значит, далекой от Российской Федерации). Этот географический экскурс имеет большое значение, потому что на месторождении Таван Толгой, начиная с 1967 года, открытым способом добывается ценный уголь с низким содержанием серы. Дебет этого месторождения по мировым масштабам до сих пор был не очень впечатляющим, но только потому, что добывалась лишь небольшая часть огромных залежей Таван Толгой, одного из самых крупных месторождений мира; согласно очень консервативным оценкам мощность самого легко извлекаемого верхнего угольного пласта составляет 1,5 миллиарда метрических тонн коксующегося угля и 3,6 миллиарда тонн энергетического угля, и может давать «на гора» 30 миллионов тонн угля на протяжении как минимум тридцати лет. Китайская «Чайна Шеньхуа Энерджи Компани» (*China Shenhua Energy Company*) боролась за право на добычу наряду практически со всеми другими глобальными угледобывающими компаниями. Ею были разработаны планы по быстрой постройке железнодорожной линии от Таван Толгой до железнодорожного узла Внутренней Монголии — Байян Обо (*Bayan Obo, Baiyun Ebo Kuangqu* — по-китайски), расположенного в какой-нибудь сотне километров от границы. Китайская сталелитейная промышленность и ее поставщики коксующегося угля импортируют уголь также из более отдаленных мест, и, конечно, заинтересованы в поставках из Таван Толгой, который находится гораздо ближе.

С тех пор произошло многое, включая отмену ранее предоставленных концессий после смены правительства Монголии в 2011 году, но в результате ни одна из китайских компаний не получила право участвовать в добыче, а железнодорожная линия от Таван Толгоя поведет к российской границе, расположенной гораздо дальше, чем Байян Обо. В 2010 году министр транспорта России Игорь Левитин объявил о плане инвестиций в размере 1,7 миллиарда долларов. Это очень большие инвестиции, которые могут быть покрыты лишь экспортом угля из Таван Толгоя к российским портам с последующей отправкой в Японию, Южную Корею и в тот же Китай, но только через Россию¹²².

Монголы отреагировали на рост геополитического давления Китая геоэкономическим отказом, явно с целью сдержать китайское влияние, и они отнюдь не скрывали своей мотивации¹²³.